

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ В ПОЭЗИИ АЛЕКСАНДРА СОЛОДОВНИКОВА

И. В. Комарова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 26 марта 2015 г.

Аннотация: в данной статье предпринята попытка выявить особенности художественного времени в поэзии Александра Солодовникова – яркого представителя современной духовной поэзии. Категория времени, традиционная в литературоведении, преломляясь в сфере православной духовности и культуры, получает иное осмысление в духовной поэзии, где доминирует пасхальный архетип.

Ключевые слова: духовная поэзия, художественное время, богослужебный круг, пасхальный архетип, образы времени.

Abstract: this article attempts to identify features of artistic time in the poetry of Alexander Solodovnikova – bright representative of contemporary spiritual poetry. Category of time, the traditional literary criticism, refracted in the Orthodox spirituality and culture, gets a different understanding of spiritual poetry.

Key words: spiritual poetry, Alexander Solodovnikov, artistic time, liturgical circle, easter archetype images of time.

В последнее время все чаще стал подниматься вопрос о духовности по отношению к словесному творчеству. Это обусловлено тем, что в поэзии сами особенности форм и способов выражения авторского сознания апеллируют к «внутреннему человеку» и на уровне автора, и на уровне лирического субъекта (героя), и на уровне реципиента. Поэзия обладает возможностью нести собственно духовное содержание» [1, 5].

При этом духовная поэзия — особый поэтический феномен, нуждающийся в осмыслении с современных позиций. Вместе с тем на современном этапе развития филологической науки крупными учеными подчеркиваются глубинные православные корни всей русской словесности, начало которой, по мнению И. А. Есаулова, положило «Слово о Законе и Благодати митрополита Иллариона». Следовательно, пасхальная проповедь стала истоком «русской словесности, «которая первые семь веков своего существования отчетливо христоцентрична, т. е. изначально ориентирована прежде всего на Новый Завет» [2, 254].

Одним из ярких духовных поэтов XX века является Александр Солодовников (1893–1974). Факты биографии поэта свидетельствуют о том, что он изучал Священное Писание и труды православных богословов, тем самым воплощая в своем творчестве цельное христианское мировоззрение. Доказательством может служить знакомство и тесное общение Солодовникова с Н. Е. Пестовым – ученым-химиком, богословом, автором четырехтомника «Современная

практика христианского благочестия». Уже этим он отличается от русских поэтов классической традиции, у которых «словесный вкус формировался на слове Православия, звучащем в храме, на богослужебных текстах, которые входили в круг духовного опыта и творчества порой помимо осознания» [3, 57].

Поэзию Александра Солодовникова необходимо рассматривать в русле христианского учения, где немаловажную роль играет особое – христианское восприятие времени. Категория времени, традиционная в литературоведении, преломляясь в сфере православной духовности и культуры, получает иное осмысление в духовной поэзии.

Категория времени по отношению к духовной поэзии уже получила некоторую разработку в труде Н. А. Котовой «Современная духовная поэзия». Исследовательница выделяет в данном течении время социальное и мистическое. «Социальное время – коллективное время, которое выпадает на долю каждого человека. Это время значимо в лирике поэтов 90-х годов. Их поэзия непосредственно захватывает изменения, происходящие в стране. Часто такие стихи граничат с публицистикой или «гражданской» поэзией, которая была столь актуальна во второй половине XIX века. Мистическое время – это Божественное время, которое подчиняется неведомым законам. К нему стремится человек. Попасть в него можно, только выпав из суеты земного социального времени, погружаясь в свою душу. В мистическом времени совмещаются личное время человека, реальность, история» [4, 16].

С одной стороны, приметы и социального, и мистического времени можно обнаружить в поэзии

Александра Солодовникова, хотя социальное представлено слабее мистического, так как поэт намеренно уходил от политических изменений, происходивших в стране. С другой – художественное время в поэзии А. Солодовникова с трудом укладывается в эти рамки. Категорию времени в творчестве исследуемого поэта можно охарактеризовать при помощи терминов и понятий, выработанных классическим литературоведением.

В поэзии Солодовникова можно обнаружить классические образы времени: биографического («Молодость и старость», «Смотря на детей», «Вербная всенощная»), исторического («Московское предание», «Звезда войны»), космического («Рождество», «Пасхальные думы»), календарного («Елочные грезы», «Сирень», «Май в Лешкове»), суточного («Вечер», «Утро майское», «Ночь под звездами», «Ночь в полях», «Закаты») [5]. Но сама суть духовной поэзии более сложна, требует опоры не только на литературоведческие категории, но и на труды богословов, их трактовку проблемы времени с позиций христианского мировоззрения.

Начнем с того, что категорию времени в духовной поэзии нельзя рассматривать либо только в рамках мистики и метафизики, либо отвергать ее по отношению к реальности: «Христиане впали в соблазн вообще отвергнуть и игнорировать время, но, тем самым, они отдали время во власть утопии. Христиане стали утверждать, что раз Царство Божие – «не от мира сего», то время «мира сего» вообще не представляет религиозного интереса, и что «духовная жизнь» состоит в уходе из него» [6, 51]. Но сама библейская история утверждает обратное: «Почему Христос явился в мир в определенный момент человеческой истории – момент, который Апостол называет «полнотой времени»? Почему воскрес Он в первый день после субботы? Почему Он Духа Святого послал на Церковь Свою и тем исполнил ее в праздничный день Пятидесятницы? Почему, иными словами всё, что Он делал и совершал, не только совершал Он во времени – что самоочевидно – но и по отношению ко времени, тем самым наполняя время новым смыслом, новой силой?» [6, 53]. Точкой, разделяющей существование человечества на временной оси, является Рождество Христово: само европейское летоисчисление ведется от этой даты. Воскресное чтение Евангелия в храме во время литургии начинается с упоминания времени: «Во время оно, прииде Иисус от Галилеи на Иордан ко Иоанну креститься от него» [7, Мф 3:13–17], «Во время оно, возведен бысть Иисус Духом в пустыню искушиться от диавола, и постився дний четыредесять и ноций четыредесять, последи взалка» [7, Мф 4:1–11], «Во время оно, приступиша к Иисусу саддукее, иже глаголют не быти воскресению, и вопросиша Его...» [7, Мф 22:23–33] и т. д.

Если время так важно для христианства, то оно весомо и для духовной поэзии, которая предлагает нам свое переживание и восприятие этой категории. Архимандрит Рафаил Карелин, опираясь на труды Платона и Блаженного Августина, определяет характерные свойства времени – необратимость и ритм. «Для измерения времени может служить любое явление природы, если оно равномерно и периодически повторяется: вращение Земли вокруг своей оси (сутки), смена фаз луны – лунный месяц, движение Земли по орбите вокруг Солнца – год» [8, 326]. Но сложность заключается в том, что эти единицы не соразмерны между собой. Поэтому «календарь является одной из попыток выявить ритмы времени, создать модель времени, образ времени, составить его периодическую систему» [8]. А сам календарь богослов определяет как «религиозное и философское осмысление времени, переданное языком математики». Главное же достоинство календаря – «это ритмичность структуры (периодичность и гармония) и точность по отношению к заданным ориентирам» [8, 328]. Сравнив два календаря – григорианский и юлианский – архимандрит Рафаил Карелин приходит к выводу, что именно «через юлианский календарь, его математико-символическую знаковую систему время воцерковляется в ритмах богослужения, особенно в Пасхалии. Воцерковленное же время становится символом и образом Вечности» [8, 329].

Таким образом, можно сделать вывод, что богослужебный год опирается на звездный год и никоим образом не отвергает природные явления: время оборота Солнца в небесной сфере среди неподвижных звезд, положение Солнца относительно Малой Медведицы, что соответствует учению Библии: «Сотворил Бог Солнце, Луну и светила для отделения времени» [7, Бытие 1, 14–19]. В духовной поэзии природное время функционирует в богословском понимании природного.

Чаще всего временная организация стихотворений Александра Солодовникова отсылает к какому-либо православному празднику, представляющему годовой богослужебный круг православной церкви, ориентирующийся на звездный год. Здесь «Рождество», «Крещение», «Великий пост», «Благовещение», «Вербная всенощная», «На Пасхе», «Троицын день».

Но особого внимания заслуживают два праздника, которые непосредственно связаны с природным временем – это Пасха и Пятидесятница. «Оба праздника возникли, как праздники «натуральные»: один – как праздник весны и весеннего воскресения природы, другой – как праздник первых плодов... Они выражали саму сущность праздника, как радости человека о жизни. Они торжественно отмечали очередное «восстание» мира из зимней смерти – к жизни. Но, возникнув как праздники «натуральные», оба прошли через сложное развитие... Не переставая быть

праздником «перехода» («пасхи») природного, Пасха стала праздником «пасхи», т. е. перехода избранного народа Божьего из рабства Египетского в землю обетованную. И, наконец, за этим историческим «измерением» восприняла Пасха свое последнее эсхатологическое измерение – являющее ее как обращенность к пришествию Спасителя, к грядущему Царству Божию и к спасению мира» [6, 64].

Пасхальность является главной в организации времени большинства стихотворений, проступает и через праздник Рождества, тем самым доминируя над Рождественским архетипом (по Есаулову), что проявляется в стихотворении «Рождество» (1926 г.):

*Никого не отдаст на муки,
В узилищах не запрет,
Но Сам, распростерши руки,
В смертельной муке умрет.
И могучим победным звоном
Легионов не дрогнет строй.
К мироносицам, тихим женам,
Победитель придет зарей* [9, 39].

Пасхальность проступает в сюжете Рождества имплицитно и в произведении «Промчались сани... Билась полость...» (1926 г.), где лирический субъект на фоне зимнего, рождественского пейзажа восклицает:

*Мы не умрем в пустыне снежной,
Он греет нас, собой одев,
Любимый с детства, нежный, нежный,
Живой рождественский напев* [9, 57].

В Рождественский сюжет поэт вводит пасхальный архетип, который доминирует и в «Благовещенье» (1938–1956). Природная составляющая временной координаты проникает через бытийный пейзаж: весна, небо, поля, лес, но данные образы наполняются в контексте стихотворения сакральным смыслом. «Сакрализация природно-бытийных образов» [10, 52] выводит духовную составляющую природного времени на ведущие позиции. Интересен и ряд библейских образов, введенных автором в текст произведения, в частности «священное Осанна», что отсылает нас к Входу Господню в Иерусалим, таким образом, связываются воедино главные события библейской истории в ожидании Пасхи. Сам лирический субъект ставит себя на место псалмопевца:

*И, чуду радуясь, священное Осанна
Пою Архангелу –
Посланнику небес!* [9, 52]

Также мотив радости, чуда связан с пасхой в ее первоначальном значении. Пасха в Ветхом завете была праздником перехода евреев из египетского плена в землю обетованную. Затем с пришествием в мир Христа Пасха приобрела новый смысл. Мотив чуда, связанный с радостью, может также нас отсылать к ветхозаветной истории и аллюзивно представлять образ радуги как обетования Бога после великого потопа.

Если сюжет благовещенья влечет в поэзии Солодовникова и сюжет Вербного воскресенья, то сам этот праздник, безусловно, выводит пасхальный архетип на лидирующие позиции. В «Вербной всемогущей» (1961 г.) проявляется природное время – весна: «Вербная роща в храм внесена,/ В каждое сердце входит весна» [9, 59], но наполняется она сакральным значением только благодаря празднику Пасхи. Несмотря на временной промежуток, разделяющий Вербное Воскресенье и Пасху, в произведении уже звучит пасхальная радость:

*Радостно пение:
Всем воскресение!
Общее, общее всем воскресение!
Трепетны свечи,
Радостью встречи,
Смысл уясняется в каждой судьбе.
Слава Тебе!
Слава Тебе!* [9, 59]

Еще одним пасхальным атрибутом, символом христианства становится крест. А для поэзии Солодовникова этот образ концептуальный. В «Сочельнике» (1934 г.) автор вводит устойчивый образ «сердца, поднятого на крест»:

*Тихая музыка снега,
Тайное пение звезд...
Пью тебя, грустная нега,
Сердцем, поднятым на крест.* [9, 96]

Эти образы – «крест» и «сердце» – неразрывны в творческом сознании поэта. Интересен тот факт, что включен этот образ в сюжет сочельника, который предваряет праздник Рождества, но для лирического субъекта стираются временные рамки между Рождеством и Пасхой, значимым становится приход Христа в мир для крестных мук, искупления человечества.

Образ сердца на кресте дополняется эпитетом «кровоточащее» в стихотворении «Закаты», что созвучно евангельским образам. Сердце – это не только концептуальный образ поэзии Солодовникова, но и самый частотный в Библии (употребляется около 700 раз). Образ кровоточащего сердца можно уподобить евангельской аллюзии на слова Христа, сказанные им перед крестными страданиями: «Сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов» [7, Мк. 14:24].

Крест как образ Пасхи – главного праздника, смысла всей жизни христианина – появляется и в стихотворении «В новом районе» (1971 г.). Здесь он приобретает характеристики откровения, чуда, света:

*В новом районе, меж плоских громад,
Старенькой церкви кресты горят.
Перед величием фронта коробок
Крестик на луковке нежен и робок.
Но для меня это, как откровенье,
Чудом оставшийся храм Воскресенья,*

*Как озаренье, как утверждение
Светлого нашего вероученья* [9, 81].

Чудо оставшегося креста связано не столько с библейской историей, сколько с историческим временем самого поэта. Стихотворение написано в 1971 году, когда большинство храмов было уничтожено, но вот в новом районе среди вновь построенных домов «старенькой церкви кресты» воспринимаются лирическим субъектом как истинное чудо.

Пасхальный архетип высвечивается и в стихотворении «В день Крещения» (1960 г.). Стоит вспомнить библейскую историю: после крещения Иоанном Предтечей Спаситель стал проповедовать, исцелять. Крещение – начало пути Христа к Голгофе, искупительной жертве.

*Принимая смиренно крещение Иоанново,
В человечестве своем Господь*

Торжественно посвящается на спасение человечества

Голосом Бога Отца [9, 72].

Почему именно «торжественно посвящается на спасение человечества»? Здесь данный эпитет можно связать с перифразой Пасхи – «праздников праздник и торжество из торжеств». А победа воскресения над смертью представлена в стихотворении как «возведение к совершенству человеческого существа».

Теперь стоит сказать о празднике Пятидесятницы, предварительно разобравшись, что вообще такое праздник. Александр Шмеман называет праздник радостью, а для того, чтобы «понять христианское восприятие и опыт праздников, нужно, прежде всего, вспомнить, что христианство родилось и проповедовалось внутри культуры, где праздники и всякого рода религиозные торжества составляли органическую часть самого миропонимания. Человеку той культуры праздник раскрывал смысл его жизни, ибо он освобождал его, прежде всего, от жизни, как всецело подчиненной животному ритму работы и отдыха. Праздник, иными словами, являлся не просто необходимым «перерывом» этого ритма, а его претворением в радость, в «смысл», в причастие плодам труда, в освящение отдыха принятием этих плодов, как жизни... И христианство, восприняв человека во всей его полноте, во всех его нуждах и чаяниях, восприняло и праздник – это, может быть, самое человеческое в человеке... Но, и это бесконечно важно, восприятие это заключалось не просто в «приспособлении» к празднику, не просто во внешней «христианизации». Про христианство, про Церковь можно сказать, что они восприняли всё в «мире сем», но только проведя это «всё» через смерть и воскресение» [6, 73]. Далее богослов утверждает: «Пришествие в мир христианства означало конец всякой только «природной» радости. Настоящая радость та, содержание которой – Христос, Его присутствие «среди нас», наше единство с Ним» [6, 74]. Именно такое понимание праздника Пятидесятницы

мы обнаруживаем у Александра Солодовникова:

*Над миром нашего бесчинства
И бесполезной суеты*

*Мы видим образ Троиединства
Непобедимой красоты.*

Миг жизни человека краток,

Но человек и в этот срок

В своей душе святой остаток

Богосыновства уберез [9, 166].

(«Троицын день» 17 июня 1973)

С первых строк возникает образ неба, но не видимого неба, а метафизического. Праздник – это радость, подаваемая свыше, поэтому «над миром». В образе Троиединства автора привлекает красота, но какая это красота? В машинописном сборнике, выпущенном еще при жизни поэта, рядом со стихотворением находится икона Троицы Андрея Рублева, которая отличается не пышностью композиционного рисунка, красотой ликов, т.е. внешней красотой, а красотой внутренней, духовной. В Дневниковых записях на Евангелие есть такие размышления поэта о красоте: «Замечательный рассказ о женщине, принесшей сосуд мира драгоценного. Отмечается сухая логика – рассудочность суждения. Все преодолевается взлетом красоты» [9, 681]. Грешница омыла ноги Христа и получила прощение грехов, так и человечество, несмотря на грех, «бесчинство, суету», имеет дар от Бога – «остаток богосыновства». Образ Троиединства, где главное единение Святой Троицы, так и единение человека, как образа и подобию Божьего, с Богом.

Примечателен тот факт, что данное стихотворение последнее в жизни поэта. Оно своеобразный итог, показывающий те ценности, которые важны в жизни, раскрывающее внутреннего человека христианской традиции, особенно воспринимающего и переживающего время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердникова О.А. Антропологические художественные модели в русской поэзии начала XX века в контексте христианской духовной традиции. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / О. А. Бердникова. – Воронеж, 2009.
2. Есаулов И. А. Духовная традиция в русской литературе / И. А. Есаулов // Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М. : Интелвак, 2001.
3. Кошемчук Т. А. Русская литература в православном контексте / Т. А. Кошемчук. – СПб. : Наука, 2009.
4. Котова Н.А. Современная духовная поэзия: дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Котова Наталья Александровна. – М., 2008.
5. Хализев В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – М. : Высшая школа, 1999.
6. Шмеман Александр (протопресвитер). За жизнь мира / Александр Шмеман. – М. : Изд-во храма св. муч. Татианы, 2003.
7. Книги Священного Писания Ветхого и Нового

Завета. – М. : Российское библейское общество, 2003.

8. Архимандрит Рафаил (Карелин). Христианство и модернизм. Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, – М., 1999.

9. Солодовников А. А. «...В светлом саду христианства». Полное собрание стихотворений. Пьесы. Ноты. Воспоминания о поэте / А. А. Солодовников [Составление, предисловие, коммент., другие редакции и вар. – Данилов Е. Е., Шпакова А. П. Биография, мемуарн. очерк, статьи:

об истории создания сборников, о поэтическом творчестве Солодовникова А. А, о его пьесах – Шпакова А. П. Путями Иова. Александр Солодовников и его время – Данилов Е. Е.] – М. : Гриф и К, 2010.

10. Бердникова О.А. «Так сладок сердцу Божий мир...» : творчество И. А. Бунина в контексте христианской духовной традиции: Монография / О. А. Бердникова. – Воронеж: Воронежская областная типография-издательство им. Е.А.Болховитинова, 2009.

Воронежский государственный университет

Комарова И. В., кафедра русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и фольклора

E-mail: komiv83@mail.ru

Voronezh State University

Komarova I. V., the Russian Literature of the XX and XXI Centuries, the Theory of Literature and Folklore Department

E-mail: komiv83@mail.ru